

В ОДНОМ докладе, произнесенном на творческом обсуждении в нашем Институте мировой литературы, я услышал поразившую меня фразу: «Как сказал главный писатель Александр Сергеевич Пушкин...» Да, главный! В том смысле, что самый непостижимый, свершивший открытия, без которых невозможны были бы открытия многих других, пришедших вслед за ним великих мастеров слова. Главный в том смысле, что он, я думаю, сказал все обо всем, что касается мира человеческих чувств, страданий, надежд, исканий. Он мечтал, чтобы гений и злодейство были «несовместны». Об этом трудно не размышлять, когда империалистические злодеи, никакими талантами не обладающие, стремятся использовать иные дерзновенные и добрые изобретения гениев, призванные облегчить жизнь людей, для запугивания и уничтожения целых народов. К тому же они протягивают свои смертоносные «дары» издалека, через океан, чтобы нацелить ядерные боеголовки на прогресс и свободу, на завоевания культуры и гуманизма.

Культура, творчество... «Служенье муз не терпит суеты» — в этом был свято уверен «главный писатель». И вот я вижу, как безостановочно суетится буржуазный Запад. Идет наступление на «разумное, доброе, вечное». Зачем буржуазному Западу «вечное», если оно завладевает человеком раз и навсегда? Бизнесу нужно «модное»: купил, поносил, сбросил — покупай другое! Так выгодно. Выгода и расчет во всем! Купля-продажа, купля-продажа... Некогда остановиться, оглядеться, послушать симфонию (это так долго!), прочитать эпохальный роман (это так длинно!); давайте что-нибудь покороче и такое, что можно было бы совместить с баром, с ресторанным звоном тарелок и вилок.

«Совместно» ли это с искусством, с бескорыстными «служеньем муз»? И вообще читают ли на Западе классическую литературу? Читают, конечно. А многие ли читают? Судите по тиражам книг: нам они кажутся микроскопическими. Разумеется, не считая «бестселлеров», то есть опять же произведений «модных». Но мода на книги проходит так же быстро, как и на галстуки или пиджаки.

Трудно соединить малоэстетичное слово «бестселлер» с творениями Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Шекспира, Золя, Голсуорси, Томаса Манна... А чтобы можно было соединить, надо выжать при помощи ультрасовременных соковыжималок все соки художественности, все витамины высокой философии, поэтичности, романтики — и оставить голый сюжет. Что такое «адаптированные» издания, столь ходкие на Западе? Это — высохшая листва, это — некогда роскошное дерево, лишненное корней, сучьев, плодов, а, стало быть, обескровленное.

Говорят, что на Западе модны детективные произведения. По моим наблюдениям, не всякие: преимущественно те, которые требуют лишь напряжения нервов, а не ума, не благородных чувств. Когда я там назвал, к примеру, гигантские тиражи, какими изданы у нас романы Александра Дюма, это вызвало удивление: «Длинно писал», «устарело». На одном из международных симпозиумов мне прямо так и сказали: «Дюма?.. Это же о том, что было во Франции при короле! Даже республики тогда еще не было...» Я попытался возразить: суть-де не в этом, а в том, что писатель воспевал вечные человеческие достоинства: рыцарство, верность, отва-

Анатолий АЛЕКСИН

«СЛУЖЕНЬЕ МУЗ...»

2207

гу! Молчание было мне ответом. Вот уже и д'Артаньян устарел...

Когда мы возражаем против порнографических фильмов, на нас взирают, как на замшелых провинциалов, на пожитливых ханжей. Но может ли юноша, насмотревшийся таких фильмов, с волнением читать «Обрыв», или тургеневские повести, или «Собор Парижской богородицы»? Думаю, возникает стойкая несовместимость между его «эстетическим» вкусом и великими творениями. Его «вкус» отторгает возвышенное, как нечто устарелое и наивное. Такое восприятие диктуется цинизмом. Мир капитала циничен... Это, на мой взгляд, одно из главных его свойств, которое проявляется во всем: в отношении к политике, к людским взаимоотношениям, к искусству. В связи с этим вспомню, о чем уже как-то писал... Один западный журналист спросил у меня:

— А не слишком ли вы, советские писатели, романтизируете своих юных персонажей? И вообще не приукрашиваете ли вы истоки, с которых начинается человеческая жизнь?

— А не приукрашивал ли эти истоки Виктор Гюго, посылая на баррикады лавроша? А не идеализировал ли эти самые истоки Марк Твен, рассказав о Томе Сойере, энергии добра и справедливости которого неиссякаема, хоть и прикрыта чуть-чуть мальчишеской бравадой? А не идеализировал ли этот изначальный период бытия человеческого бессмертный Толстой, с горечью и восторгом поведав нам об отваге Пети Ростова?

Прошли десятилетия с тех пор, как впервые пришли на книжные страницы эти герои. «Посмотрите: настоящий Гаврош! — иногда восклицаем мы. — Это живая Наташа Ростова!» Разве сравнишь реально существующего человека с существом «приукрашенным»? Великие писатели подарили всем юным поколениям грядущей поры друзей до того привлекательных, до того живых, что в них невольно, не отдавая себе порою отчета, хочешь перевоплотиться, поступки которых способны стать и стали мечтой.

Мы ничего не приукрашиваем — мы просто хотим, чтобы наши дети, наше юношество верили рожденным летать, а не ползать, рожденным творить, а не разрушать, рожденным спасать, исцелять, а не убивать и душить. Это — достойнейшая традиция советской литературы.

И не являются ли нравственная вседозволенность, проповедь пошлости и человеконенавистничества, «воспитывающие» многих юных читателей и зрителей на Западе, одним из самых страшных преступлений буржуазии перед завтрашним днем планеты?

Советские люди, громившие фашизм и отправлявшие по Ладоге в эвакуацию детей из блокадного Ленинграда, спасали наше грядущее... Не забыть, никогда не забыть кадры фильма-эпопеи «Великая Отечественная», запечатлевшие леденящий душу миг нападения фашистского ястреба на катер с ленинградскими детьми и 10, как матери с берега видели гибель своих сыновей и дочерей. Как видели бе-

лые панамки, плывшие по воде... Что это «фильм ужасов»? Нет, фильм, заставляющий ненавидеть ужасы, восставать против них, сражаться!

Разве красота блекнет от того, что люди с восторгом взирают на нее веками? Разве от наших восторженных взглядов стираются линии, тускнеют краски бессмертных картин?

«Служенье муз не терпит суеты...» Особенно суеты низменной, ставящей страстишки выше страстей, а интересы коммерции выше любви, искусства.

Оголтело и корыстолюбиво суетятся на Западе так называемые «люди бизнеса». Их корысть все чаще пахнет человеческой кровью... Суетятся и дельцы от «искусства». Им противостоят талант, интеллект и отвага честных художников Запада. Этим художникам нелегко: в их странах маловато читают, вяло посещают концерты, спектакли и выставки.

Увидев нескончаемые очереди возле нашего Музея изобразительных искусств, осененного именем Пушкина, иностранцы не верят глазам своим. А услышав о том, что книги, издаваемые фантастическими огромными тиражами, исчезают буквально за день, что в концертных и театральных залах не отыщешь свободного места, иностранцы не верят ушам своим. Столь неудержимое стремление к богатствам духовным — наше счастье, наше бесценное завоевание.

Во всех наших республиках, и в том числе в тех, где еще недавно, до революции, не было письменности, детство, отрочество и юность (этими тремя словами определил раннюю пору человеческой жизни Лев Толстой!) не мыслят жизни без ежедневного общения с книгой, с искусством.

Так и в братских социалистических государствах... Недавно я вернулся из Болгарии, где в канун майского праздника совершила свое традиционное шествие по стране Неделя детской и юношеской книги. Ребята часами читали наизусть стихи не только болгарских поэтов, но и мастеров нашей советской поэзии, обращенной к юности... Они то весело, то со слезами на глазах говорили о судьбах героев Марка Твена и Диккенса, Виктора Гюго и Жюль Верна, Джанни Родари и Астрид Линдгрен. Я невольно вспомнил, как полтора года назад в ФРГ, где проходил Всемирный форум по проблемам детской и юношеской литературы, я не смог познать ни у одного мальчишки из большой группы школьников, кто же его любимый писатель и какие книги стали его друзьями. Таких друзей, увы, не нашлось... А ведь по тому, как государство воспитывает детей своих, всегда можно судить о его планах на завтра, об уровне его духовной культуры. «Скажи, как ты относишься к детям, и я скажу, кто ты!» — так уже давно мы, советские детские и юношеские писатели, перефразировали известную русскую поговорку.

У нас, в социалистических странах «искусство принадлежит народу», а значит, ему, народу, посвящено и «служенье муз».

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
18 МАЯ 1980